

УДК 316.344.42

DOI: 10.17223/22220836/44/10

Д.О. Рябченко

О ПОТЕНЦИАЛЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ЭЛИТ

В статье рассмотрен потенциал функционального подхода в формировании современной комплексной теории элит постклассического образца. Обозначена идея различия существа функционального и функционалистского подходов в интерпретации феномена элиты. Доминирующей характеристикой элиты, как утверждается в работе, является способность элиты определять адекватную стратегию принятия решений, стратегию влияния на социальные процессы в контексте трансформирующейся социальной среды.

Ключевые слова: элита, устойчивость общества, теория плюрализма элит, критерии элитарности, рационализация

Категория «элита», превращенная в интенсивно используемый концепт социальной практики, не получила до сих пор однозначной смысловой интерпретации, хотя сама теория элит имеет длительную многовековую историю – проблемное поле теории элит формировалось веками. В этом формировании так или иначе принимали участие Геродот и Плутарх, Платон и Аристотель, Карлейль и Эмерсон, Ницше и Тард, Вебер, Парето и Моска. Именно В. Парето и Г. Моска вошли в историю европейской науки как исследователи, с именами которых связано представление о теории элиты как системе взглядов, ориентированной на понимание элиты как высших привилегированных слоев, осуществляющих функции управления, развития науки и культуры в силу обладания значительным ресурсным потенциалом (лат. *eligere, legere* – «отбирать; выбирать; разбирать; сортировать»); термин вошел в употребление во Франции, начиная с XII в. как *elite* – «отбор лучших», «избранный», получив с самого начала концептуальное сходство с терминами «интеллект», «элегантность». В классических концепциях представления об элите не связывались с социальными изменениями, элиты рассматривались как «образцы», служившие ориентиром для поддержания социального порядка и устойчивости общества.

Теория элиты, имея в качестве центрального концепт «элита», еще до Второй мировой войны существовала в ряде вариантов-версий: «макиавеллевский» (Дж. Бернхем), структурно-функциональный (С. Келлер), ценностный (Ла Валет), «неозлетизм» (Т. Дай, Х. Цайглер). Значительную роль в трансформации теории элиты сыграли в 30–40-е гг. Й. Шумпетер и К. Манхейм. Именно К. Манхейму принадлежала идея о том, что в конкуренции элит, проявляемой посредством достижения позиций власти и «демократического оптимума элита – массы» выражена специфическая природа демократии. Четверть века спустя, во второй половине XX в., в продолжение обозначенных идей Р. Далем формулируется «теория плюрализма элит», а Т.-Р. Даем

и Л.-Х. Цайглером – «теория консенсуса» (согласия) элит и политической системы.

Наиболее целостными и концептуально обоснованными признаны философский и социологический подходы, сформировавшиеся в проблемном горизонте теории элиты. Элита в рамках данных подходов интерпретируется в статусе общности, формы концептуализации которой могут быть различны, – элитой может быть класс, каста. В социологии применен стратификационный подход, ориентированный на власть, содержащую в себе потенциал расслоения. В границах социологического анализа особый статус имеет меритократический подход, предполагающий взгляд на элиту как на наделенную выдающимися способностями, что позволяет максимально эффективно принимать решения в возникающих проблемных ситуациях.

На рубеже XX–XXI вв. объяснительные возможности концептуальных версий теории элиты, – достаточные в условиях стабильной социальной структуры, регламентированных отношений социальных групп, проявили свою ограниченность в условиях интенсивно меняющегося субъективного фактора социальной практики. Целостная система критериев элитарности обнаружила необходимость отхода от системы классических представлений – процесс трансформации понимания смысла концепта «элита» нашел выражение в специфичной направленности происходящих в теории элит изменений [1–3]. Мы принимаем исследовательскую позицию С.В. Негруль, увидевшей эту специфику в трехвекторном процессе: рационализации, социологизации, субъективации. В органичном сочетании этих тенденций трансформации находит выражение динамика критериев элитарности и отход в измерении элитарности от классических традиций.

Что означает процесс социологизации критериев элитарности? Автор полагает, что социологизация выражает включение элитной проблематики в границы теории социальной стратификации [4. С. 149], понятие «элита» все более интерпретируется как социальная группа или совокупность социальных групп, определенным образом организованных (олигархии, клики, «группы вето»). Определяющим критерием расслоения выступает власть, сам же социологический анализ элит, по мнению автора, синтезирует властный и меритократический подходы. Уже в теоретических построениях Г. Моски, Р. Михельса, Р. Миллса феномен социологизации элиты был достигнут за счет интерпретации элиты в качестве располагающей властью общности либо правящего класса.

Что касается такого вектора динамики критериев элитарности, как рационализация (десакрализация), он означает приход на смену метафизической интерпретации критериев элитарности их секуляризированной трактовки, основанной на соображениях интереса [5, 6]. В свое время М. Рокич [7] писал о связи элиты, – актуальной и латентной, с Традицией, Временем, Пространством, что можно понимать как высшую сакральную ответственность за целое. В условиях интенсивно меняющегося общества критерии элитарности интеллектуалов, технократов, управленцев трансформируются на рационализируемых основаниях, очевидными становятся функциональные признаки – критерии: образование, компетентность. Процесс рационализации критериев элитарности проявляет себя двояко (элита представлена через выявление ее

функциональной результативности, а также посредством феномена элитного плюрализма, связанного с «измельчением» элиты).

Обратим внимание на то, что омассовление критериев элитарности, превращение элиты в выразителя типических качеств человека массы безусловно связано с утратой самим понятием «элита» сакрального содержания, произошедшей девальвацией феномена сакральности. Утрата понятием «элита» сакрального смысла осуществлялась одновременно с формированием нового представления о доминирующем признаке принадлежности к элите. Этим признаком стала функциональная необходимость, полезность элит, что, как правило, обусловлено ресурсной составляющей [8]. В группу рационализированных критериев элитарности оказываются отнесенными такие критерии, как способность нравиться другим по причине результативности, обладание престижем, высокая продуктивность, – ранее Г. Моска писал об этих представителях элиты, сильных, энергичных, способных, получающих высшую оценку по условному индексу, оценивающему результативность в профессиональной, экономической, политической сферах. Г. Драйтцель, обратившись к проблеме трансформации критериев элитарности в контексте императивов современной эпохи, в числе критериев называет достигнутый успех. Элита – тот высший класс, который сосредоточивает функции руководства, главная в числе которых – руководство людьми. В анализе критериев элитарности Г. Драйтцель синтезирует потенциал ряда подходов. К примеру, очевиден синтез таких подходов, как ценностный и властный; элита – «те обладатели высших позиций в группе, организации или институте, которые достигли [успеха] в ходе отбора в эти позиции, основанного на (личном) стремлении к достижениям, и которые в силу своей позиционной роли имеют власть или влияние, способствуют сверх своих групповых интересов сохранению или изменению социальной структуры и вносят непосредственно нормы [они – носители норм], или которые на основе своего престижа могут играть роль образца, кроме своей группы нормативно определяя поведение других» [4. С. 315].

Такой вектор динамики критериев элитарности, как субъективизация, также обусловлен серьезными предпосылками, в их числе доминирует возрастание значимости субъективного фактора, роли субъекта («субъект в деятельностном понимании рассматривается как некая система или комплекс определенных ресурсов», в определении В.А. Ядова, делающего акцент на ресурсах субъекта, потенциале его способностей). Субъектный подход принят в теории элит Э. Гидденсом, П. Бурдьё, П. Штомпкой, М. Арчером, расширившими категориальный ряд обозначенного (субъектного, деятельностного) подхода посредством введения ряда категорий: ресурс субъекта, потенциал возможностей, диапазон саморегуляции, зрелая субъектность.

Процесс «субъективизации» имеет свою специфику, которая заключена в перенесении акцента на ресурсный потенциал субъекта, в этом также заключена одна из характерных для постклассики тенденций интерпретации критериев элитарности. В сравнении с рационализацией, в контексте которой акцент делается на идее функциональной продуктивности и идее элитного плюрализма, субъективизация критериев элитарности предполагает анализ феномена элиты в ракурсе социального развития и ресурсного потенциала субъекта, выражаемого в состоянии так называемой «зрелой субъектности».

Ряд авторов (примечательна в этом смысле позиция С.В. Негруль, Ф.М. Бурлацкого, А.А. Галкина, Ж.С. Аллаяровой) связывают тенденцию субъективации с усложнением сегмента социальной жизни, с происходящими динамичными глобальными трансформациями, пронизывающими общество. В этих условиях меняется внутренний состав элит, возрастает роль руководителей, входящих в «околоэлитное окружение» (термин введен Е.В. Охотским, исследующим политическую элиту) – в группу тех, кто является сторонниками властвующих лидеров. Эта ситуация объясняется аналитиками как вызванная следующими причинами: «с развитием общества общие ценности, образовывавшие основы социального порядка, уступили место множественности относительных ценностей. Релятивизация ценностных показателей вызывает повышенную социальную мобильность. Жесткая иерархическая структура общества начинает подменяться рациональным принципом вертикальных перемещений, основу которых составляют общественные достижения [9]. Усиливается неустойчивость социального статуса и тем самым неопределенность критерия, в соответствии с которым происходит причисление к элите. Социальные изменения, и прежде всего тенденция к демократизации, ведут к увеличению числа элитных групп, внутренний состав которых меняется в результате повышенной мобильности» [4. С. 130].

В литературе начиная с последней трети XX в. активно обсуждается концепция плюрализма элит, развиваемая О. Штаммером, Т. Даем, Д. Рисменом, С. Келлером. В российских источниках возникновение идеи плюрализма элит объясняется появлением динамичной и сложной реальности, открытостью возникающих структур, изменением роли субъективного фактора в общественной жизни. Из теории элит уходит идея единства элит. Идея эта связана с представлением о перманентной смене в сегменте власти групп влияния, результатом чего и является отсутствие в элите доминирующего субъекта. Множественность элиты выступает как результат динамизма социальной структуры. Элиты определены предметно-функциональным либо иерархическим признаком. В интерпретации С. Келлера морфология элиты включает в себя элиту «стратегическую» и менее влиятельную элиту, так называемую «сегментарную»; сформированы «внеэлитные группы» («не-элиты»), – «промежуточные субъекты». Интересной и плодотворной в эвристическом смысле является идея, связанная с пониманием специфики функциональной теории элит: «в функциональной теории преодолевается „оценочный“ момент, связанный с доминированием „лучших“, и представительская функция элит объясняется отношениями взаимозависимости между элитой и внеэлитными слоями и системой взаимных противовесов внутри элиты, что позволяет ей реализовывать интересы многих субъектов. Сама элита тем не менее не является единой, привилегированной, относительно сплоченной группой, так как в современных обществах власть распределена между отдельными социальными субъектами, отстаивающими свои интересы, при этом ни один из них не способен доминировать во всех областях жизни» (цит. по: [4. С. 30]).

Действительно, в основаниях элитных теорий рубежа XX–XXI вв. нет места представлению об элите как жестко целостной и сплоченной группе. Ряд критериев, ранее считавшихся традиционными, пополнен сегодня совокупностью признаков элитарности, формирующихся в границах тенденции

субъективации. Речь идет о субъективированных критериях элиты. В их числе отмеченная В. Мюлманом идея «самопричисления», «самоизбранности» элиты, ее «самоидентификации»; Ф. Тонес дополняет идею В. Мюлмана испытываемым элитой чувством собственной значимости и субъективным пониманием той миссии, которую элита должна исполнить. Эти чувства лежат в основе причисления себя к слою элиты и, соответственно, в основе определения стратегической парадигмы действий тех, кто элиту составляет.

Мы полагаем очень существенным понимание того, что важным в процессе отнесения себя к элите является чувство предначертанной миссии (лат. *missio* – посылка, отправка), предназначения, призвания, обязательность чего рождает чувство сопричастности со всей элитой. Однако обозначенный критерий самопричисления проявляет себя не всегда, но лишь тогда, когда элита испытывает сомнения в предстоящем успехе, – такую оценку феномену миссии и его роли в причислении субъекта к элите дает Г. Эндрувайт [10], западногерманский социолог, директор Института социальных исследований при университете Штутгарта. Именно в его работах, особенно в монографическом исследовании «Элита и развитие: теория и опыт влияния элиты на процесс развития» элита исследована как субъект (подобный подход присущ и таким анализам, как Э. Райс, А. Сванн, Дж. Мэнор, Д. Марвик, Э. Куинн), как общественный слой, за которым закреплена функция контроля за материальными, символическими, политическими ресурсами, которые находятся на высших властных позициях, престиж которых чрезвычайно высок.

Исследование Г. Эндрувайта – плодотворная попытка создания комплексной теории элиты постклассического образца. Ранее автор писал о причине отсутствия теории подобного уровня, видя ее в несформированности методологии, в разночтении относительно концепта «развитие».

С именем Г. Эндрувайта в науке связано представление о функциональной теории элит, в рамках которой элита интерпретирована как социальный субъект, кардинально влияющий на характеристики и направленность развития социальной системы [Там же]. Это понимание, как полагает Г. Эндрувайт, не тождественно пониманию функционалистскому (роль элиты здесь видится в сохранении социальной системы, доминирующим же признаком функциональной элиты является, по мнению автора, способность влияния на стратегию принятия решений). Примечательна деталь, на которую обращает внимание Г. Эндрувайт: функциональная элита имеет в своем составе и тех, кто, влияя на процесс принятия решений, не занимает статусных позиций. В этом определенная трудность ее идентификации. Кроме того, функциональный подход затрудняет и анализ внутренней структуры элиты, имея, однако, ряд преимуществ: подход дает возможность выявить отдельные свойства элитного слоя, обратившись к ролевому анализу, к исследованию поведенческих мотиваций. Использование функционального понятия в социальном процессе позволяет обосновать динамику элит, ориентированную на новые принципы организации элиты [2, 3]. Уточняется же функциональное понятие элиты посредством рядоположенных концептов – элита действительная, потенциальная, резервная. В итоге в проблемном горизонте функциональной теории элит элита рассматривается как слой, определяющий адекватную стратегию влияния на социальные процессы в контексте трансформирующейся социальной среды.

Литература

1. Тамбиянц Ю.Г., Шалин В.В. Феномен политической элиты: проблематика определения социальной сущности // Общество и право. 2018. № 4 (66). С. 159–164.
2. Зоткин А.А. Подходы к определению понятия «элиты» в работах представителей макиавеллистской школы теории элит // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского Социология. Педагогика. Психология. 2015. Т. 1 (67), № 4. С. 3–12.
3. Зоткин А.А. Информационное господство элит в условиях ослабления национальных государств // Власть и элиты / гл. ред. А.В. Дука. Т. 2. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 73–92.
4. Негруль С.В. Формирование региональных элит: ценности и идеология: дис. ... канд. соц. наук. Томск, 2004. 182 с.
5. Bruno S. Sergi. Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A hybrid half-economics and halfpolitical "Janus Bifrons" // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9, Issue 1.
6. Bassin M., Glebov S., Laruelle M. Between Europe and Asia: The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism. University of Pittsburg press. 2015. 288 p.
7. Roceach M. The Nature of Human Values. New York: The Free Press, 1973.
8. Аль-Двани М.Ф.Х. Ценностные основания теории элит // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2014. Вып. 2. С. 146–151.
9. Елин С.П. Критерии элитности в ценностном направлении развития теории элит // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 37–40.
10. Эндрувайт Г. Элиты и развитие: теория и исследования влияния элит на процессы социально-политического развития. [Пер. с нем.] // Политическая наука. Элиты в сравнительно-исторической перспективе. Проблемно-тематический сборник. М., 1998. С. 10–11.

Daniil O. Ryabchenko, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: info@latat.org

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2021, 44, pp. 127–133.

DOI: 10.17223/2220836/44/10

LOSSES AND OPPORTUNITIES OF THE FUNCTIONAL APPROACH IN THE FORMATION OF THE MODERN THEORY OF THE ELITE

Keywords: elite; stability of society; theory of elite pluralism; criteria of elitism; rationalization

The potential of the functional approach in the formation of the modern complex theory of the elite (the theory of the postclassical type) is investigated. The difference in the heuristic capabilities of the indicated approaches in the interpretation of the essential characteristics of the elite is shown. The role of the elite in determining an adequate decision-making strategy, a strategy of the elite's influence on social processes in the context of a transforming social environment is revealed.

It is shown that at the turn of the 20th – 21st centuries, the system of criteria for elitism revealed the need to move away from the system of classical ideas. Trends in the transformation of elitism criteria are expressed through such vectors of dynamics as rationalization, sociologization, and subjectivation. Each of the indicated tendencies is characterized. Subjectivation as a vector of dynamics of elitism criteria is realized, as shown in the work, by expanding the categorical range. The range was supplemented by such categories as the resource of the subject, the potential of possibilities, the range of self-regulation, "mature subjectivity".

The process of subjectivation, as shown in the article, has its own specifics: the emphasis has been shifted to the resource potential of the subject, this is one of the tendencies in the interpretation of elitism criteria characteristic of postclassics. The author accepts the position of G. Endruwait, linking the process of subjectivation with development, and asserts the thesis: the subjectivation of the criteria of elitism presupposes an analysis of the phenomenon of the elite in terms of social development and the resource potential of the subject, expressed in the state of "mature subjectivity".

The author refers to the subjective criteria of the elite the feeling of "self-assignment", "self-selection", "self-identification" of the elite and supplements the designated number of subjective criteria with the subjective awareness of their own mission in development processes, which is necessary for the elite. It is the comprehension of the mission that lies at the basis of the subject's assignment to the elite, at the basis of the determination of the strategic paradigm of actions of those who classify themselves as the elite and identify themselves with the elite.

Based on a comparison of the limitations and capabilities of the functional and functionalist approaches, formed in the problem horizon of the elite theory, the author concludes: within the functionalist approach, the role of the elite is seen in the preservation of the social system, while the functional approach is focused on the idea of the elite's ability to influence the choice of strategy solutions.

References

1. Tambiyancz, Yu.G. & Shalin, V.V. (2018) Phenomenon of political elite: problems of social essence definition. *Obshchestvo i pravo*. 4(66). pp. 159–164. (In Russian).
2. Zotkin, A.A. (2015) Approaches to the definition of “elite” in the works of the representatives of Machiavellian school. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya – Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*. 1(4). pp. 3–12. (In Russian).
3. Zotkin, A.A. (2015) Informationsnoe gospodstvo elit v usloviyakh oslableniya natsional'nykh gosudarstv [Information dominance of elites in conditions of weakening national states]. In: Duka, A.V. (ed.) *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Vol. 2. St. Petersburg: Intersotsis. pp. 73–92.
4. Negrul, S.V. (2004) *Formirovanie regional'nykh elit: tsennosti i ideologiya* [Formation of regional elites: values and ideology]. Sociology Cand. Diss. Tomsk.
5. Bruno, S.S. (2018) Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A hybrid half-economics and halfpolitical “Janus Bifrons”. *Journal of Eurasian Studies*. 9(1). DOI: 10.1016/j.euras.2017.12.005
6. Bassin, M., Glebov, S. & Laruelle, M. (2015) *Between Europe and Asia: The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism*. University of Pittsburg press.
7. Roeach, M. (1973) *The Nature of Human Values*. New York: The Free Press.
8. Al-Dvani, M.F.X. (2014) Tsennostnye osnovaniya teorii elit [The value foundations of the theory of elites]. *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya – Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology*. 2. pp. 146–151.
9. Elin, S.P. (2014) Criteria of elitism in value approach of the theory of elites development. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 10. pp. 37–40. (In Russian).
10. Endruwait, G. (1998) Elity i razvitie: teoriya i issledovaniya vliyaniya elit na protsessy sotsial'no-politicheskogo razvitiya [Elites and development: theory and research of the influence of elites on the processes of social and political development]. In: *Politicheskaya nauka. Elity v sravnitel'no-istoricheskoy perspektive* [Political Science. Elites in a Comparative Historical Perspective]. Moscow: [s.n.]. pp. 10–11.